фактически подчинила свою тактику неудержимому ходу капиталистическаго развитія, но мы не видимъ ровно никакихъ основаній съ ея стороны возводить этотъ голый историческій фактъ, эту стихійную власть накопленныхъ буржуазіей богатствъ, подавляющихъ собою рабочее движеніе, въ провиденціальный путь, уготованный ему въ видахъ наискорѣйшаго осуществленія соціализма.

Л. Шишко.

ПРОПАГАНДИСТЪ.

(Недѣйствительность).

Ему было четыре года, звали его Женя. Разъ утромъ, только что открывши глаза, онъ запѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Латышка-бонна тоже проснулась и долго смотрѣла на Женю недоумѣвающими глазами, а потомъ сѣла на кроватъ и долго хохотала, пока успѣла выговорить:

— Ну, корошо... Ставай, рабочій народъ!

На другой день повторилось то же самое и на третій, и на четвертый. А потомъ вошло въ норму, и уже бонна, когда Женя слишкомъ долго изображалъ въ своей кроваткѣ всѣ аллюры зайца, видѣннаго имъ въ лѣсу, на дачѣ, и не хотѣлъ одѣваться,—говорила ему:

— Ставай, подымайся, рабочій народъ!

И всегда этого было достаточно, чтобы заяцъ соскакивалъ съ кроватки, и въ качествѣ рабочаго народа, по своей обычной манерѣ, полуголенькій, съ спутавшимися бѣлокурыми локонами, разставивши голенькія ножки и поднявши носъ кверху, воодушевленно запѣвалъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Бонна плохо справлялась съ русскимъ языкомъ, не знала, какія русскія слова позволены и какія не позволены, и сдѣлалась первой жертвой пропаганды.

Собственно говоря, первоисточникомъ пропаганды былъ мальчишка изъ рыбной лавки, курносый Сенька, 8—9 лѣтъ, всегда куда-то бѣжавшій во время утреннихъ прогулокъ Жени и сразу обратившій на себя вниманіе Жени. Во-пер-